

Поведение главы семьи сегодня показалось Шэнь Цинчжоу странным, но размышлять об этом было некогда: час его отплытия с острова Мосин стремительно приближался.

Гора Чанъян высилась неподалеку от диких земель Чжужао. На тех привольных просторах и впрямь росло редкое духовное растение, посаженное когда-то прежним главой семьи Цинь. Шэнь Цинчжоу решил, что заберет его по пути назад, как только уладит главные дела.

О диких землях Чжужао иные молодые, неопытные практики могли и не знать, но стоит упомянуть гору Чанъян — и даже среди простых смертных не сыщется человека, который не слышал бы этого имени. Ведь именно там был погребен мятежный бог войны Синтянь.

В древности звавшийся Синъяо, он был верным полководцем Янь-ди и дерзнул оспорить престол у самого Желтого Императора. В той жестокой сече воин лишился головы, но не покорился. Изувеченный, обезглавленный, он сотворил очи из сосков, а рот — из собственного пупка, и вновь ринулся в бой, грозно потрясая щитом и боевым топором.

До сих пор поговаривают, будто вечный мрак и грозовые тучи, круглый год окутывающие гору Чанъян, — это буйство его мятежного духа, который отказывается смириться с поражением и вечно сотрясает небесную высь.

Шэнь Цинчжоу провел пальцами по запястью. Клеймо в виде горы Бучжоу отчетливо проступало на коже, а затаившаяся в нем крупца чужой силы — след воли Чжоу Фу — вселяла глубокую уверенность.

С защитой Чжоу Фу даже Четыре Лютых Зверя не осмелились бы и волоска на его голове тронуть. Эта поездка — лишь исполнение дружеской просьбы: проверить, крепка ли печать на горе Чанъян. Разве есть тут место страху? Да и сам он, если верить смутным воспоминаниям, когда-то звался Посланником Небесного Свода и на равных беседовал с Белым Императором Шаохао.

Шэнь Цинчжоу глубоко вдохнул прохладный воздух, выпрямился и уверенно расправил плечи.

В путь он решил отправиться налегке. Лишних вещей с собой не брал, зато мысли в его голове теснились тяжелым грузом. Ночью он снова погрузился в сон, чтобы подробно расспросить Чжоу Фу. Часть сомнений удалось развеять, но взамен родились новые вопросы, один тревожнее другого.

Когда Шэнь Цинчжоу заговорил о зловещем черном мареве, окутывающем Цай Биня, Чжоу Фу лишь сухо бросил: это скверна — первородная, темная и невероятно опасная сила. Всякий, кто прикоснется к ней, не заслуживает жизни в этом мире. Встретишь такого — убей без колебаний.

Но откуда берется эта скверна, Чжоу Фу говорить наотрез отказался. А когда Шэнь Цинчжоу попытался настоять, грозный господин Бучжоу, веками охраняющий Алтарную террасу

императоров, вдруг так горько сник и затуманился взором, словно готов был расплакаться от следующего же слова.

Пришлось пойти на попятную и долго, терпеливо утешать растроганного владыку.

За всю ночь он так и не сумел вытянуть из Чжоу Фу ничего существенного. Почему его ничтожное прежде совершенствование совершило такой безумный скачок после обретения Скрижали Гор и Морей? Где сокрыта разгадка его бывшего беспамятства? Все эти тайны так и остались нераскрытыми.

К счастью, Чжоу Фу хотя бы перестал вышвыривать его из сновидений всякий раз, когда разговор заходил в тупик. Теперь он просто тихо вздыхал: «Я не могу сказать».

Шэнь Цинчжоу оставил позади ворота усадьбы Цинь вместе со странной, необъяснимой подозрительностью нынешнего главы. Облачившись в облегающие походные одежды и оседлав Хэйшицзы, он покинул остров Мосин.

Диковинный зверь мэнци по кличке Хэйшицзы внешне напоминал пятнистого барса с белой головой. Использовать его в качестве верного скакуна было делом непростым — все зависело от того, позволит ли гордый хищник оседлать себя. Для Шэнь Цинчжоу он делал исключение всегда и с радостью, но к чужакам не проявлял ни капли дружелюбия. Если зверь не выпускал когти при виде посторонних, это говорило лишь о том, что он воспитал его на славу.

Мэнци славились умением бесследно растворяться в пространстве и передвигаться быстрее ветра. Поскольку Шэнь Цинчжоу держал свой путь на гору Чанъян в глубокой тайне и желал обернуться как можно скорее, прыть Хэйшицзы пришлась как нельзя кстати.

Закинув за спину священный меч и поудобнее устроившись на спине зверя, путник бесшумно растворился в ночи.

Мэн Сю добрался до окраин диких земель Чжужао глубокой осенней ночью, когда небосклон украшали лишь редкие холодные звезды. Он путешествовал в полном оцепенении и одиночестве, не сказав ни слова родным из поместья Чистой Святости и даже не взяв с собой меча.

Видно, такова ирония судьбы: у утонченных и мягких отцов частенько вырастают несносные сыновья. Если непоседливость юного Мэн Чуаня, младшего отпрыска семьи Мэн, еще можно было списать на милое детское баловство, то поведение молодого главы Мэн Сю не поддавалось никакому оправданию. В свои двадцать четыре года он оставался взбалмошным упрямым, привыкшим поступать лишь так, как ему вздумается. По правде говоря, вся молодая поросль поместья Чистой Святости отличалась буйным нравом, но он среди них выделялся особенно ярко.

О его проделках можно говорить часами, но достаточно одного примера: найдя древнее божественное оружие, он ухитрился скрывать его существование три года, не проронив ни слова. Ради того чтобы отвести от себя любые подозрения и доказать серьезность намерений, он собственноручно переломил пополам свой духовный меч связи душ.

Если бы глава поместья Мэн Сю не знал досконально повадки своего непутевого отпрыска, который словно явился в этот мир требовать кармические долги, то обман удался бы на славу. Но трехлетний срок подошел к концу. Теперь его дух окончательно сроднился с божественным артефактом!

В дикие земли Чжужао он направился по одной причине — здешние леса кишели неисчислимым множеством опасных тварей. Лучшего места для пробы сил было не найти. Мэн Сю не прибегал к духовной энергии целых три года и теперь желал проверить, не утратил ли он прежнюю хватку.

Мэн Сю обратил мысленный взор вглубь себя, проникая в чертоги разума — обитель духа, где покоилось божественное оружие, и осторожно коснулся его струящейся энергией.

Чертоги разума, известные также как верхний дантянь, располагались прямо за межбровьем. В этой сокровенной духовной обители таилась первозданная искра души. Когда практик достигал запредельной ступени слияния духа с пустотой, именно через эти врата его бессмертная сущность покидала плотскую оболочку, устремляясь в мир.

Из его межбровья вырвался луч ослепительного света. Он послушно опустился в раскрытую ладонь Мэн Сю, за долю секунды соткавшись в очертания исполинской секиры.

Рукоять секиры превосходила человеческий рост, а широкое лезвие могло запросто укрыть грудь взрослого воина. Сталь сверкала зеркальной белизной, но куда больше захватывала дух сокрытая в оружии мощь — сокрушительная и первозданная, подобная бушующему океану во время шторма.

Топор Синтяня!

В древних песнопениях говорилось: «Синтянь потрясает щитом и секирой, боевой его пыл не угаснет вовек». Под той грозной секирой и подразумевался этот топор. Судьба улыбнулась Мэн Сю, подарив ему оружие самого бога войны. Сила топора Синтяня была до гениального проста: он даровал ярость битвы и предвещал триумф над любым врагом.

"Мое второе имя — Цзыци, — с мальчишеской гордостью подумал Мэн Сю, — а значит, эта секира по праву принадлежит мне"

Имена «Сю» и «Цзыци» дополняли друг друга, как покой и битва, несчастье и триумф. Отец выбрал это имя, желая найти равновесие в характере сына, но даже не подозревал, как причудливо переплетутся древние знаки с его истинной стезей.

Он крепче сжал длинную рукоять секиры и закрыл глаза. По его меридианам мгновенно разлилась давно дремавшая духовная энергия — бурная, неукротимая, похожая на бушующие волны. Усилием воли Мэн Сю обуздал этот поток, заставив его затихнуть и превратиться в бездонный, обманчиво спокойный омут.

Зоркому взгляду Мэн Сю ночная мгла не мешала — лунного света хватало с избытком. Он уверенно зашагал по лесной глуши, не заботясь о том, сколько чутких зверей в ужасе разбегается от его тяжелых шагов.

Шаги его были неторопливыми и рваными: то он лениво замирал на месте, разглядывая кроны, то вдруг срывался на бег, стрелой устремляясь через равнину с помощью техник легкости. Ему было безразлично, где он находится и куда занесет его прихотливая тропа.

Запертая в теле совершенствующегося на долгие три года духовная энергия ликовала и рвалась наружу. Подавить ее до конца было невозможно: под маской спокойствия бурлили яростные подземные течения. Однако Мэн Сю лишь усмехался, позволяя силе бунтовать. Он был безмерно уверен в себе и знал, что укротит этот мятеж по первому же велению сердца.

Забавы ради он прошагал полночи, но не почувствовал и капли усталости. Ночные просторы тонули в глубоком покое, мириады звезд сияли на бархатном небе, и даже студеный ветер поздней осени, казалось, утих, не смея тревожить тишину.

... Но что-то изменилось. На лице Мэн Сю по-прежнему играла беззаботная улыбка, он все так же небрежно тянулся сорвать лесную ягоду, но в душе мгновенно насторожился.

Вокруг воцарилась тишина. Мертвая, давящая тишина.

Когда он только ступил на дикие земли Чжужао, издали доносился глухой вой зверей и едва слышный стрекот ночных насекомых. Теперь же все живое вокруг словно вымерло. Пространство сковало гробовое молчание, сквозь которое прорывался лишь ровный, тяжелый стук собственного сердца.

Кто-то шел по его душе.

Стоило этой мысли оформиться, как воздух за спиной прорезал свист, подобный предсмертному крику раненого журавля. Мэн Сю не стал тратить время на оборот — он мертвой хваткой вцепился в древко топора Синтяня и наотмашь рубанул назад.

Взбунтовавшаяся энергия хлынула в лезвие безумным потоком. Сталь прочертила в полумраке сверкающую дугу, готовясь рассечь незваного гостя надвое. Но этот удар, способный расколоть утес, встретил неодолимое препятствие. Его пресекла чужая ладонь. Обычная, ничем не примечательная человеческая ладонь.

Незнакомец остановил топор холодной, белой как кость кистью. Острейшая кромка уперлась в тыльную сторону ладони незнакомца, лишь слегка вдавив бледную кожу и обнажив узор синих вен. Сталь не оставила даже царапины! Мэн Сю похолодел от ужаса. Поняв, что враг не делает ответного выпада, он вскинул голову, сиюсь разглядеть чужое лицо.

Перед ним стоял высокий, не достигший еще тридцатилетнего рубежа мужчина с правильными, тонкими чертами лица. Неестественная бледность кожи делала его похожим на ожившее изваяние. На нем была простая белая куртка с узкими, перехваченными у запястий рукавами, за пояс был заткнут свернутый бич, а за спиной виднелись кожаные ножны двух кинжалов.

Высокий незнакомец возвышался над ним глыбой, вынужденный смотреть на мир сверху вниз. Низкие надбровные дуги делали его взгляд тяжелым и мрачным, вселяющим невольный трепет в душу каждого, кто осмеливался поднять глаза.

— Мое имя Мэн Сю, — стараясь говорить ровно и уверенно, произнес молодой человек. — Кто вы и зачем преследуете меня? Благородные мужи не нападают со спины.

Лицо незнакомца осталось неподвижным. Легким, едва заметным движением запястья он отвел тяжелое лезвие в сторону, словно отмахнулся от сухой ветки. Столь пугающая легкость заставила Мэн Сю окончательно осознать, насколько опасен его противник.

— Так это ты ныне зовешься хозяином топора Синтяня? — бесстрастно спросил мужчина.

Мэн Сю медленно кивнул, сильнее сжимая влажное от холодного пота древко.

Этот человек... узнал артефакт с одного взгляда! При мысли о том, как легко незнакомец принял удар, способный снести крепостную стену, у Мэн Сю бешено заколотилось сердце.

Мужчина то ли слабо усмехался, то ли просто чуть приподнял веки. Он перевел холодный взгляд с лица Мэн Сю на исполинскую секиру, на чьей зеркальной глади причудливо преломлялось его отражение.

— Хм, — незнакомец тихо хмыкнул, погрузившись в какие-то ведомые лишь ему думы, и в его глазах вспыхнул странный, опасный огонек.

Мэн Сю замер, не сводя с него глаз. Он прекрасно понимал, что бегство сейчас обречено на провал. Единственный шанс выжить — не упускать противника из виду и ловить каждый его вздох.

Белокурый мужчина придирчиво оглядел Мэн Сю с ног до головы и сухо обронил:

— Забирай топор Синтяня и следуй за мной.

Он не стал дожидаться согласия — просто развернулся и неторопливо пошел прочь, уверенный в своей силе.

— Куда?

— На гору Чанъян.

В небесах с грохотом разорвался гром, и ветвистые молнии безжалостно вспороли тучи. Яркая вспышка на мгновение выхватила из темноты мертвенно-бледное лицо Мэн Сю, после чего мир вновь погрузился в бездонный мрак.

Гора Чанъян?

Мэн Сю мысленно повторил эти слова, чувствуя, как внутри все стягивается ледяным узлом.

"Бежать! Нужно немедленно бежать!"

Он принял решение в долю секунды. Стоило прозвучать названию горы Чанъян, как все встало на свои места: незнакомец явился за топором Синтяня. И если безропотно последовать за ним к месту вечного упокоения павшего бога войны, живым из этой ловушки уже не выбраться.

Мэн Сю незаметно шевельнул запястьем, и из его широкого рукава в ладонь скользнула бумажная полоска охранного талисмана.

Выгадав мгновение, когда мужчина отвел взгляд, Мэн Сю выплеснул остатки духовной энергии в бумагу и швырнул загоревшийся золотом талисман прямо в лицо врагу.

Любой талисман, по сути, являлся сложным боевым построением, искусно втиснутым в рамки тонкого бумажного листа. Сила его уступала масштабным техникам, зато действовал он мгновенно, не требуя долгого и кропотливого плетения чар.

Глядя на летящую прямо в глаза смертоносную бумажную ленту, незнакомец даже не моргнул. Он небрежно протянул руку и поймал талисман на лету, смяв его в кулаке.

В его ладони глухо ухнуло. Незнакомец разжал пальцы и равнодушно стряхнул с них легкую серую пыль — грозное заклятие обратилось в ничто.

Мэн Сю к этому моменту уже успел отбежать на несколько ли. Как наследник поместья Чистой Святости, он, возможно, и не был вооружен до зубов, но редких защитных амулетов у него при себе имелось с избытком.

Его сапоги из оленьей кожи были расшиты золотыми нитями, пропитанными кровью высших духовных зверей, что даровало владельцу невероятную прыть. В складках одежд покоилась кукла-двойник, пояс являл собой редчайший артефакт пространственного переноса, а заколка в волосах могла на время скрыть его облик и заглушить колебания ци.

Каждый из этих предметов был его билетом на свободу.

Проводив взглядом беглеца, скрывшегося в ночи подобно порыву урагана, бледный мужчина лишь досадливо поморщился и тихо цыкнул сквозь зубы.

В следующий миг его фигура растаяла в воздухе, словно дым.

У Мэн Сю не было верного клинка, чтобы взмыть в небеса — верное оружие он собственноручно уничтожил три года назад. Приходилось полагаться лишь на собственную прыть, но благодаря зачарованным сапогам его бег по стремительности ничуть не уступал полету на мече.

Сконцентрировав ци, он без оглядки мчался сквозь ночную глушь.

Внезапно кровь в его жилах словно замерзла, лицо побелело, а онемевшее тело отказалось повиноваться. Потеряв равновесие, он с размаху рухнул на сырую землю.

Враг настиг его.

Все время побега Мэн Сю пытался пробудить пространственный артефакт на поясе, но подобные древние реликвии требовали времени для сотворения чар. Преследователь без труда разгадал его замысел и пресек технику в зародыше.

Он упрямо попытался воззвать к силе амулетов вновь, но обнаружил, что драгоценные камни на его поясе безнадежно помутнели и покрылись сетью трещин. Из-за пазухи посыпались клочки истлевшей бумаги — бывший двойник обратился в прах, а золотой венец на голове с сухим треском лопнул, рассыпавшись осколками.

Незнакомец ухитрился беззвучно и бесследно уничтожить все его духовное снаряжение!

С растрепанными волосами, распластанный на сырой земле — Мэн Сю еще никогда не бывал в столь жалком положении. Стиснув зубы, он упрямо заставил крохи уцелевшей энергии течь по заблокированным каналам, готовясь к последней, самоубийственной схватке.

В конце концов, двум смертям не бывать! Дома остался младший брат, так что поместье Чистой Святости не лишится наследника. Жаль только родителей...

Теряя надежду, он закашлялся, сплевывая на траву вязкую темную кровь. Во рту поселился солоноватый привкус меди вперемешку с прелой землей.

Сквозь завывания ночного ветра до него долетел ровный, лишенный эмоций голос:

— Послушай, у меня нет цели лишать тебя жизни. Смирись, отправляйся со мной на гору Чанъян, и я пальцем тебя не трону.

— Свежо предание... — хрипло выдавил Мэн Сю, утыкаясь лицом в грязь. Он не поверил бы этому человеку и на йоту.

Мягкие шаги по сухой траве раздавались все ближе. Мужчина приближался медленно, нарочито громко шурша опавшими листьями, и этот неторопливый ритм заставлял сердце Мэн Сю испуганно сжиматься.

— Не хочешь идти добром — дело твое. Можешь проваливать на все четыре стороны, — небрежно обронил незнакомец с едва уловимой, жестокой усмешкой. — Но в таком случае кое-кто другой заплатит за твое упрямство собственной жизнью.

— О ком ты?.. — прохрипел Мэн Сю.

Мужчина опустился перед распластанным беглецом на корточки и, заглянув ему в глаза, отчетливо, отдельно произнес:

— Цинь Куньюй из семьи Цинь.

<http://bllate.org/book/18428/1866342>